

Ань Цяньгу — не настоящее имя Ань Цяньгу.

Когда еёбросили за воротами Секты Десяти Тысяч Мечей в ту жрающую людей густую чащобу, у неёдаже имени не было.

Было ей тогда отроду лет семь, не больше. Родные отец с матерью продали еёбродячему заклинателю с грубыми чертами лица всего за три камня духов низшего качества. Тот купил еёсовсем не для того, чтобы растить как дочь — ему требовалась живая основа для алхимического отвара.

В сыром подвале заклинателя, куда никогда не заглядывало солнце, Ань Цяньгу научилась дышать бесшумно, словно крыса, и прятать слёзы глубоко внутри.

Позже бродячему заклинателю оторвало горло трехступенчатым демоническим зверем прямо посреди той чащобы. Ань Цяньгу выбралась из лужицы смердящей, сгнившей крови, крепко сжимая в руке заржавленный железный нож, которым тот разделявал туши.

Она выжила.

Но она знала: пока на ней это тело, пока на ней это лицо, она навсегда останется лишь крысой из сточной канавы, которую любой может растоптать, продать, сожрать или прикончить в любую минуту.

В этом мире совершенствования, где сильный пожирает слабого, у женщин, а особенно у женщин без опоры за спиной, нет даже права быть собаками.

И тогда в одну безлунную полночь десятилетняя Ань Цяньгу раздобыла длинный отрез белой ткани, вымощенный водой.

Стиснув зубы, она стала наматывать эту грубую ткань вокруг груди круг за кругом. С каждым новым витком она затягивала еёвсе сильнее и сильнее — до тех пор, пока воздух не начал понемногу покидать легкие, пока ребра не затрещали от невыносимой боли, а в глазах не потемнело от кружащихся мушек.

Ее тело била крупная дрожь от боли, холодный пот пропитал одежду, но она закусил губу до крови, не издав ни единого звука.

Она убивала саму себя.

Она убивала ту слабую, плаксивую, вечно пугливую девчонку, чтобы затем посреди кровавого марева собственными руками слепить лишенного уязвимостей, не ведающего боли юношу.

С того дня в поднебесной больше не существовало безымянной сиротки.

Выжила лишь Ань Цяньгу.

Имя Цяньгу она выбрала себе сама. Она твердила себе, что даже если придется влачить жалкое существование дворовой собаки в этом пожирающем людей мире, она стиснет зубы и проживет эту жизнь дольше и крепче кого бы то ни было.

Три года спустя тринадцатилетняя Ань Цяньгу стояла в той самой чаше.

На ней был содранный с мертвеца и отстиранный до белизны длинный халат из грубой зеленой ткани. Грудь была туго-натуго стянута белым шелковым поясом — так крепко, что каждый вдох отзывался глухой болью. Волосы были высоко собраны грубой тряпицей, обнажая чистый лоб и жесткую линию подбородка.

В руке она сжимала тот самый заржавленный железный нож и молча стояла под пеленой дождя, похожая на безжизненное изваяние.

Она ждала... Из глубин чащи донеслись тяжелые шаги и зловонный порыв ветра. К ней, выкатив покрасневшие глаза, мчался демонический зверь первой ступени, размером с быка.

Ань Цяньгу не отступила. В тот миг, когда острые когти зверя уже готовы были разорвать ей горло, она припала к земле, словно настоящий дикий зверь, скользнув на полшага по грязи, и вонзила заржавленный железный нож под самым изощренным углом прямо в самое мягкое место на горле чудовища.

Горячая звериная кровь брызнула ей прямо в лицо. Зверь с грохотом рухнул на землю, судорожно дернулся пару раз и окончательно затих.

Опираясь на нож, Ань Цяньгу тяжело и прерывисто дышала. Она смахнула с лица кровь, повернула голову и посмотрела на девушку, которая пряталась под корнем дерева — всю в крови, но закусившую губы до боли и не издавшую ни единого стога.

Это была их первая встреча с Линь Хуаньчжэнь.

Ань Цяньгу знала, кто она такая.

Всего полчаса назад она слышала сплетни прохожих за пределами леса. Говорили, что старшая барышня из семьи Линь, Линь Хуаньчжэнь, родилась без Духовного Корня и является чистокровнейшим простым смертным.

Семья Линь — знатный род, и Линь Хуаньчжэнь, будучи законной дочерью, должна была

купаться в роскоши и богатстве. Но она предпочла бросить вызов судьбе и отправилась скитаться по миру.

Она не захотела наследовать колоссальное состояние семьи Линь и становиться той самой высокомерной старшей барышней из клана Линь, за которой следят тысячи пар глаз.

И еще меньше она желала выходить замуж в качестве младшей жены за того древнего старца-заклинателя, перешагнувшего пятидесятилетний рубеж и обладающего огромной силой.

Что с того, что он старец? Такой старец может прожить еще несколько сотен лет, только вот смотрит он на нее так, будто она какая-то диковинная вещица, — слышала Ань Цяньгу насмешки прохожих. — А она? Накануне свадьбы даже свадебный наряд надевать не стала, оставила записку и вот так сбежала.

В этот самый момент эта самая барышня из семьи Линь, которая отказалась от наследства и не захотела выходить замуж за старика, жалко прислонилась к илистым корням дерева.

Ее простое платье было изуродовано терновником и кровью, а несколько прядей длинных волос, смоченных дождем, прилипли к бледным щекам. Но ее глаза горели удивительным, ослепительным светом — словно чистая, упрямая горная заводница, омытая дождем, полная несокрушимой, непокорной гордости.

Она не плакала и не молила о пощаде. Она просто неотрывно смотрела на поверженного демонического зверя, словно только что разыгравшаяся кошмарная сцена была лишь пустяковым представлением.

Ань Цяньгу подошла, достала из-за пазухи самый дешевый флакон с целебным порошком, присела на корточки и протянула его Линь Хуаньчжэнь.

Сможешь идти? — ее голос из-за долгого молчания казался слегка хриплым и низким.

Линь Хуаньчжэнь не взяла флакон, а вместо этого подняла голову и пристально посмотрела на нее.

Дождевая вода стекала по подбородку Ань Цяньгу. Черты ее лица были прекрасны: холодные брови и глаза, прямой нос, и даже сейчас, в этом потрепанном виде, от нее исходила чистота и собранность, свойственная исключительно юношам.

Линь Хуаньчжэнь долго изучала ее — так долго, что Ань Цяньгу уже решила, будто та онемела от боли и она сама сейчас силой всунет ей лекарство в руки, как вдруг уголки губ девушки приподнялись, и она улыбнулась.

Это была едва заметная, легкая улыбка, способная, казалось, разогнать любую непогоду.

Какой же ты юноша... — голос Линь Хуаньчжэнь звучал очень тихо, с нотками еле теплящейся слабости, но каждое слово было четким. — А вышел пригожим, да и нрав крутой.

Ань Цяньгу остолбенела.

Она инстинктивно коснулась своего лица, затем опустила взгляд на плоскую грудь и туго обмотанное белой тканью тело.

Она — женщина.

Лжемечник, которая ради выживания в Секте Десяти Тысяч Мечей стягивает грудь и выдает себя за мужчину, но Линь Хуаньчжэнь об этом не ведала.

Линь Хуаньчжэнь смотрела на нее так, будто перед ней стоял самый настоящий юноша, на которого можно положиться.

Меня зовут Линь Хуаньчжэнь. — Девушка с трудом подняла испачканную в грязи руку и легко коснулась тыльной стороны ладони Ань Цяньгу, державшей меч. Ее пальцы были чуть прохладными, но излучали какое-то странное тепло.

Спасибо, что спасла меня.

Сердце Ань Цяньгу в тот момент пропустило удар безо всякой на то причины.

Она резким движением выдернула руку, поднялась на ноги, сунула пузырек с лекарством Линь Хуаньчжэнь в руки, а ее голос прозвучал холодно и жестко, словно камень:

Нанесешь лекарство сама. Я тебе ничего не должна.

Сказав это, она развернулась и зашагала под пелену дождя, не оглядываясь.

Она не смела обернуться.

Потому что боялась: стоит ей оглянуться, как те сияющие глаза раскусят ее. Боялась, что под этой мужской одеждой обнаружат душу, которую она сама считала ничтожной.

Но она не знала, что в тот самый момент, когда она отвернулась, прильнувшая к корням дерева Линь Хуаньчжэнь не сводила глаз с ее хрупкой спины — до тех пор, пока силуэт в зеленом окончательно не растворился в бушующей непогоде.

Линь Хуаньчжэнь опустила голову, глядя на зажатый в руке флакон, еще хранивший тепло

тела Ань Цяньгу, и уголки ее губ медленно изогнулись в улыбке.

Крутой нрав... — тихонько прошептала она, словно смакуя эти слова.

Что ж, значит, поборемся характерами.

<http://bllate.org/book/21200/2145944>